

ГЛАВА 28. ХРОНИКИ ПЕЧАЛИ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян ещё не успели до конца переварить откровения Хромого Чжана об истории «Зала Льва и Тигра», как беда, не спросясь, постучала в двери.

Утро выдалось тяжёлым. После вчерашнего разговора оба спали плохо, ворочаясь с боку на бок, и поднялись, едва забрезжил рассвет. Решили: раз уж сон не идёт, стоит заняться делом — приготовить учителю что-нибудь особенное на завтрак.

Однако, закончив на кухне и выйдя во двор, они почувствовали неладное.

Обычно Хромой Чжан поднимался ни свет ни заря, чтобы размяться и поделаться упражнения, но сейчас во дворе было пусто. Дверь в его комнату оставалась плотно закрытой, и в этой тишине обоим почудился дурной знак. Поддавшись неясному порыву, ученики бросились к главному дому.

Распахнув двери, они вбежали в спальню. Учитель лежал на кровати — вытянувшись и не шевелясь. В комнате стояла гнетущая, ватная тишина, в которой мерное тиканье настенных часов казалось оглушительным.

— Учитель! Учитель, что с вами?! — Цинь Юэцзин, позабыв о почтении, сорвался на крик, пытаясь дозваться до старика.

Цзян Чэньян первым делом приложил пальцы к шее наставника. Жест беспардонный, но сейчас было не до приличий. Юэцзин, спохватившись, пригнулся к лицу старика, ловя дыхание.

Почувствовав слабое, едва ощутимое тепло и нитевидный пульс, парни чуть выдохнули. Но вид Хромого Чжана внушал ужас: лицо его посерело, кожа обтянула скулы, точно пергамент. Жизнь уходила из него по капле.

Они уже собирались подхватить старика, чтобы везти в больницу, когда тот, то ли услышав отчаянный зов Юэцзина, то ли собрав последние крохи сил, медленно приоткрыл веки.

Взгляд его был тусклым и бессмысленным. Он смотрел в потолок, словно не понимая, где находится. Ученики замерли, боясь шелохнуться.

Постепенно в глазах старика забрезжил огонёк сознания. Он с трудом повернул голову и увидел склонившихся над ним ребят. В уголках его глаз мгновенно заблестели слёзы.

Хромой Чжан попытался поднять руку, но та бессильно упала на одеяло. Ученики тут же перехватили его ладонь — так они и замерли, втроём, сцепив руки в последнем земном рукопожатии. Глядя на то, как немощен стал их учитель, Цинь Юэцзин не выдержал и

разрыдался. У Чэньяна глаза тоже покраснели от едва сдерживаемых слёз.

— Учитель, потерпите, мы сейчас в больницу... — всхлипывая, проговорил Юэцзин, пытаясь приподнять старика.

Наставник тяжело, со свистом выдохнул и едва слышно прошептал:

— Не надо... Своё тело я сам знаю... Не тратьте силы... Не плачьте... Слушайте меня...

— Говорите, учитель! Мы слушаем!

Они опустились на колени перед кроватью, ловя каждое слово. Оба понимали: это не просто наставление, это — последнее слово.

— Теперь вы... друг другу опора... — голос Чжана прерывался. — Учитель больше не сможет... оберегать вас. Не забывайте меня... Жизнь моя была... бурной. Выгнали из школы, оболгали... А я ведь потом и через огонь, и через воду... Много чего повидал. И под конец судьба такой подарок сделала — вас, соколов моих... Значит, не зря топтал землю...

— Учитель, молчите, не тратьте силы! Нужно к врачу! — Юэцзин захлебывался слезами.

Цинь Юэцзин помнил только холод: равнодушие родных родителей, ледяное спокойствие приёмных. Но здесь, в Имперской столице, наставник и старший брат дали ему то, чего он был лишён с рождения — тепло настоящего дома. И теперь этот дом рушился.

Старик зашелся в сухом, мучительном кашле. Казалось, каждый толчок вырывает из него остатки духа. Юэцзин бережно приподнял его, помогая продышаться.

— Три года вы были рядом... — прохрипел Хромой Чжан, когда приступ утих. — Мне и этого... за глаза хватит...

Он слабо шевельнул пальцами. Ученики послушно отстранились. Старик, улыбаясь одними глазами, потянулся к их головам. Юэцзин и Чэньян синхронно склонились, подставляя макушки под его ладонь.

— Хорошие мои... — прошептал он, и лицо его на миг осветилось нежностью.

Но вдруг выражение его лица резко изменилось. Хромой Чжан, точно подброшенный невидимой пружиной, рывком сел на кровати.

Ученики отпрянули, поражённые этой внезапной вспышкой силы.

Старик широко распахнул глаза. В них больше не было слабости — только яростный, обжигающий огонь. Он вперил взгляд в парней и заговорил — громко, хрипло, с какой-то пугающей страстью:

— С этого дня — сделайте меня героем своих сказов! Говорите обо мне, не умолкайте! Пусть весь мир узнает, кем был Хромой Чжан. Пусть ваши ученики и ученики ваших учеников твердят моё имя. Я хочу жить в ваших байках, хочу звучать в каждом слове со сцены! Пусть те, кто завидовал мне, кто предавал и топтал, вечно слышат эхо моих побед! Пока звучит мой сказ — мы будем вместе. Не бойтесь ничего, идите только вперёд — я буду за вашим плечом! И помните: не вздумайте мстить за меня. Старик того не стоит. Живите... Просто живите!

С последним словом силы мгновенно оставили его. Он рухнул обратно на подушки, точно тряпичная кукла. Дыхание оборвалось. Он остался с широко открытыми глазами, устремлёнными куда-то за грань этого мира, в которых запечатлелась вечная непокорность.

— Учитель!!! — в два голоса закричали парни, бросаясь к телу.

Они не могли, не хотели верить. Ещё вчера они смеялись, ещё вчера планировали будущее — и вот человека нет. Пустота.

В комнате бушевал ураган их горя. А за окном сияло безразличное небо, и белые голуби кружили над крышами, не замечая, что мир стал на одну душу беднее.

Но в ту же секунду за тысячи ли отсюда, над вершиной горы Чистого Духа в провинции Фулань, небеса вдруг раскололись. Сквозь тучи пробилась тысяча золотых лучей, окрашивая высь в невозможные, божественные цвета. Жители окрестных деревень в изумлении выбегали из домов, а старики, падая на колени, шептали молитвы.

Настоятель Даосского храма Чистого Духа вместе с монахами вышел на террасу. Глядя на небесное знамение, он сложил руки в приветствии и негромко произнёс:

— Безмерный Небесный Владыка...

Они знали: сегодня кто-то сбросил путы плоти и вознёсся к бессмертным. И этот кто-то был плоть от плоти их священной горы. Оставалось лишь гадать, кто из великих предшественников завершил свой земной путь.

***

В тихом дворике Имперской столицы крики затихли. На смену им пришла глухая, свинцовая скорбь.

— Всё, Юэцзин... Хватит, — Цзян Чэньян первым взял себя в руки. Он вытер слёзы и коснулся

плеча брата. — Нужно заняться делами. Учитель ушёл, и наш долг — проводить его как подобает.

Юэцзин поднял воспалённые глаза и кивнул:

— Мы устроим ему такие похороны, каких Имперская столица ещё не видела. Он заслужил.

Первым делом они решили известить Ху Чжунфа — «Толстяка Ху». Тот всегда относился к Чжану как к родному отцу.

Ху Чжунфа в это время неспешно завтракал в ресторанном дворике «Острова Золота». Ночь он провёл за маджонгом с друзьями — везло невероятно, он буквально «разнёс» всех в пух и прах, поэтому пребывал в превосходном расположении духа.

Когда зазвонил телефон, он увидел имя Цинь Юэцзина и широко улыбнулся.

— Сяо Цинь! Ну что, соскучился по дяде Ху? — пробасил он, не выпуская из рук палочек.

— Учителя больше нет, — донёсся из трубки бесцветный голос.

Босс Ху замер. Палочка дрогнула, и сочный баоцзы, шлёпнувшись на тарелку, укатился на край стола. Вокруг шумели люди, гремела посуда, но для Ху всё стихло.

— Что ты сказал? — переспросил он, медленно поднимаясь со стула.

— Наш учитель... он умер.

Ху Чжунфа не выдержал.

— Ждите! Я лечу! — выкрикнул он в трубку и бросился к выходу.

В суматохе он даже не заметил, как одна его тапочка слетела с ноги. Официанты в изумлении смотрели, как их степенный босс в банном халате и одном тапке несётся к лифту. Один из расторопных парней подхватил обувь и бросился вдогонку.

Когда через четверть часа Ху ворвался в дворик, он выглядел безумно: в одежде из сауны, взъерошенный, задыхающийся. Не говоря ни слова, он пролетел мимо учеников в спальню.

Увидев на кровати застывшее, умиротворённое лицо наставника, Толстяк Ху рухнул на колени прямо у порога.

— Старейшина! Ну как же так?! — завыл он, и слёзы градом покатались по его круглым щекам.
— Ну зачем же вы так внезапно... Ох, Старейшина Чжан! Кабы не ваше слово пророческое, гнить бы мне в канаве, а не в золоте купаться! Я ведь и сотой доли долга вам не отдал, а вы...

Юэцзин подошёл к нему, пытаясь унять собственную дрожь.

— Дядя Ху, тише... Он ушёл спокойно.

— Знаю я, всё знаю! — Ху размазывал слёзы по лицу. — Он всегда говорил: «Ху, у меня теперь два золотых ученика, мне и помирать не страшно». Слышите? Он вами гордился!

Ху Чжунфа посмотрел на покойного, точно давая последнюю клятву:

— Спите спокойно, старейшина. О детях ваших я позабочусь. Пока Ху жив — они ни в чём нужды знать не будут. Слово моё крепкое.

Ученики стояли рядом, и в этой тяжёлой, горькой тишине они кожей чувствовали: старая глава их жизни закрылась навсегда. Начиналась легенда.

<http://bllate.org/book/17504/1659569>